4-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 2

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ

Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Тел. редакции и конторы 5-49-78.

1926 ГОД

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ...

Рис. Ив. Малютина

Некоторые сельсоветы не озаботились снабдить школы дровами. Ученики вынуждены приносить дрова из дома.

— Ну, дети! К следующему уроку вы приготовите по два полена дров!

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ПОЛЕТИЧЕСКИЙ ФЕЛЬЕТОН

На открытии итальянского парламента кресло Муссолини было украшено большим лавровым венком. При появлении диктатора все встали. (Из газет.)

И знаете, почему встали?...

Диктатор вошел, подошел к креслу, похлопал длинными ушами и... съел венок.

От изумления все и встали.

В. Финити

ЛИКХУЛ

Весь дом боялся хулигана Федьки-Трепло, парня лет 16-ти. Началось с того, что Федька отрезал управдомской кошке хвост. После так и гуляла кошка с обрубком, как фокстерьер. За этой выходкой последовали другие и все хуже и хуже. Не проходило дня, чтоб Федька не выкинул какой-нибудь новый крендель. К управдому посыпались жалобы, и, когда их накопилась целая папка, было созвано экстренное заседание правления. На повестке стоял один вопрос—Федька-Трепло. Председатель так и начал в просом:

— Что делать с Федькой?

— Выселить!—в один голос закричали правленцы.

— Выселить нельзя: зима. Другие меры надо придумать.

— Меры простые,—сказал член правления.—Созвать общее собрание, спустить Федьке штаны и при всем честном народе ремешком его по мякоти, по прыщавым его полушариям.

— Что вы!—возмутилось собрание:—Рази можно пролетарские полушария трогать? Полушария эти опухнут, да Федька доктору их понесет показывать, а доктор протокол да в суд на нас.

Тогда поднялся управдом.

— Нет, товарищи, не на сидячие полушария надо действовать, а на мозговые, культпросветительные меры должны быть. Мы все толкуем, в милицию Федьку водим, а сами, между прочим, ничего не принимаем. Общественная должна быть ликвидация хулиганства, как имеется у на ликбез, так должен быть ликхул. И я предлагаю сейчас позвать сюда Федю и безо всякой строгости, культпросветительно и физкультурно с ним поговорить.

Предложение было принято. Командировали дворника за Федькой, и через пару минут Федька привалил в контору.

— Садитесь, товарищ Федор,—ласково сказал управдом.—И курите папиросы из любой здешней коробки. Мы с вами, товарищ Федор, поговорить хотим.

— Лекцию читать будете?—подозрительно бросил Федька.

— Вовсе не лекцию, а совершенно свободный разговор. И сообщите нам, будьте любезны, товарищ Федя, отчего это вы интерес в хулиганстье находите? Какие то-ись причины внутри вас?

Федька поглядел на потолок.

— Так,—сказал он,—нравится.

— Нравится... А может другое что, культпросветительное, вам тоже понравится?

— Не понравится просветительное—твердо отрезал Федька:—скука меня ест.

— Скука?—радостно ухватился управдом.—Так мы скуку изжить можем. Товарищ Федя, мы вам коньки беговые купим, и бегайте вы себе на коньках, развивайтесь. Глядишь, призы брать начнете.

— Призы—презрительно сморщился Федька,—Да что вы мне тут поете? Мне, может, сейчас, знаете, чего захотелось?

— Чего?

— А ручки и карандаши ваши все переломать, вот чего.

— Так ломайте, товарищ Федя. Будьте любезны,—и управдом протянул Федьке карандаш.

Федька недоверчиво глядел на управдома.

— И верно—подтвердил председатель—ломайте, если у вас такое желание.

— Думаете, испугался?—вскочил Федька и, переломив несколько ручек, швырнул их в угол.—Вот вам, чертям.

— И хорошо, и отлично—радостно говорил управдом—очень отлично. И легче вам теперь, товарищ Федя?

Федька корявo улыбнулся.

— Теперь легче—сказал он—смешно это. Только мало мне это, программа у меня сегодня не сполнена, товарищам нечем хвастать. Еще-бы чего надо проделать.

— И проделывайте, товарищ Федя, будьте любезны. Выбирайте, чего вам здесь нравится.

Федька огляделся.

— Чернильницу бы на башку кому-нибудь опрокинуть—сказал он.

— И опрокиньте, будьте любезны. Мне опрокиньте—и управдом подставил голову.

Федька сгреб чернильницу и перевернул ее над самой лысиной управдома. Чернила потекли за уши, по щекам.

Федька весело захохотал.

— Теперь программа полная. Теперь товарищи со смеху сдохнут.

— И отлично—улыбался управдом, утираясь промокашкой—очень отлично. Вы вот что, товарищ Федя—приходите вы ко мне на квартиру программу выполнять. Как станет вам скучно и захочется хулиганить, так сейчас ко мне и хулиганьте у меня, сколько угодно. Будьте любезны.

На следующей день Федька, в самом деле, пришел к управдому.

— Хулиганить охота—мрачно заявил он.—Вот, стаканы буду об печку бросать. Ставь на стол какие есть стаканы. Лопнувших не надо, целых давай.

Федька швырял стаканы, а управдом ласково приговаривал:

— Бейте, Федя, бейте. Будьте любезны. Вот этот еще стукните, хороший стаканчик.

Уходя, Федька заказал:

— Завтра стаканов побольше купи, мало у тебя их. Звонко-бьющихся бери, чтобы дребезги помельче получались.

На второй день Федька явился с товарищем.

— Не верят, черти—кивнул он на товарища—что я в управдомской квартире хулиганю. Самолично видеть хотят.

— Что-ж, пущай удостоверятся—с готовностью заявил управдом—похулиганьте, Федя, на ихних глазах.

На этот раз программа вышла сравнительно скромной: Федька с товарищем высморкались в кастрюльку со щами, а потом заколотили дверь квартиры торговки Яблочкиной, и сам управдом держал гвозди.

Так ходил Федька к управдому с неделю, и каждый день шла на квартире новая программа. А однажды утром весь дом увидел, как Федька вынес на двор свой сундучек и стал привязывать его к саночкам.

— Что ты, Федя?—удивились жильцы.—Никак уезжаешь?

— Уезжаю—сказал Федька.—В другой дом уезжаю. Скучный ваш дом, не нравится мне. Все это у вас позволяется, все это можно. Вчерась драться мне захотелось, и лупцую я это управдома, а он только уши подставляет и все просит—ударьте, говорит, Федя, еще разочек, в нос ударьте.

Федька презрительно сплюнул.

— С вами, чертями, с тоски сдохнешь.

И, накинув на плечи веревку, Федька-Трепло выкатил саночки за ворота.

Спасибо управдому: выжил все-таки окаянного.

К. Мазовский

НЕ С ТОГО КОНЦА

Рис. Б. Малоховского

— Слышал, Иван Иваныч, против рака прививку делать будут?

— И зря это они раками начинают. Лучше-бы сначала от пива прививку выдумали!

НА ЛЫЖАХ

Поле, поле, поле, поле..
Легкий бег веселых лыж.
Ветер щеки больно колет.
Ветер... Поле... Снег... И тишь.

Хор-рошо! Бегу откосом,
Без дорог путей и троп...
Миг один .. и бедным носом
Натыкаюсь на сугроб.

Лезет снег в глаза, за ворот,
Струйкой спину щекоча...
Ну, и чорт с ним.. я ведь молод,
Кровь от бега горяча.

Дальше, дальше, дальше, дальше...
Веселей, быстрее бег...
От людей, домов и фальши —
В ветер, в поле, в тишь и в снег...

Заяц мчится... Ах, голуба!
— Что с мамашей, как живешь?
Вот ему не нужно шубы,
Ни фуфайки, ни галош...

Обгони-ка зайца... Ну-ка?
Изузорив бегом снег,
Ты, в чьей власти вся наука,
Царь творенья, человек!

Где там... Мы в тисках неволи
Управдомов, кашля, крыш...
...Поле, поле, поле, поле...
Легкий бег веселых лыж...

Город.. Люди... Грязно... Тает...
Нет простора, строгий путь.
Эх!.. хоть зайцем... на трамвае..
До квартиры сигануть!

Конст. Шелонский

О ДВУХ КОНЦАХ

— Каким образом у вас ведется антирелигиозная пропаганда?

— Ишь, какой ты несознательный, товарищ! Нешто можно образом антирелигиозную пропаганду вести?

СОВСЕМ НЕ ТАКАЯ НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

На съезде просвещенцев отмечена усилившаяся торгово-предпринимательская деятельность некоторых ВУЗ'ов, превращающая их подчас в целые тресты с 5-ю и более торговыми предприятиями.

(Из газет).

— Плохо нам живется, ребята!—сказал на студенческой сходке т. Федякин.— И книжек, и пищи, и курева нет! А все оттого, что у нас самодеятельности не имеется. Предлагаю срочно избрать комиссию и поручить ей изыскать матери...

— Правильно! — закричали студенты. Молодец Федякин! Не подкачал Федяша!

И срочно избрали комиссию.

Комиссия заседала долго. Одни галошную фабрику предлагали открыть, другие — механическую прачешную, третьи—каток на Неве с большим рестораном. Остановились на кооперативе. Вывеску заказали, бланки, печать. Честь честью.

И два нижних этажа заняли. В актовом зале правление, а в аудиториях — отделы разные. Красота!

А потом стали служащих подбирать.

— Товарищи—граждане!—сказала восторженно комиссия.—И искать не надо! Под рукой служащие-же-ж: студенты!

И всех студентов в служащие перевели. Которые первокурсники - в лавку прямо. За прилавком сидеть, товар отвешивать. А постарше которые — тех в правленцы или кассиры. Словом, чин чином.

Кооператив работал долго. Студенты— народ честный: ни кассир не убежал, ни растратки какой ни-на есть паршивенькой не было. Хорошо работал кооператив. И жалованье всем хорошее платил. Очень студенты довольны были своим кооперативом.

А тов. Федякина даже на общем собрании героем труда избрали.

Через несколько месяцев назначена была очередная сходка.

— Дорогие друзья!—сказал тов. Федякин, влезая на стол и широко улыбаясь— Поправили мы свои дела! Теперь, слава богу, и за учебу приниматься можно Физический кабинет оборудуем, химический и тому подобное... А кооператив за ненадобностью предлагаю закрыть.

— Долой!—закричали студенты — Не желаем закрываться! Что мы рыжие что ли от своего счастья отказываться.

— К чорту!—кричал председатель правления первокусник Дудкин. — Я, можно сказать, из мальчиков своим горбом в председатели вышел!

И постановили единогласно, против одного т. Федякина, под кооператив последний третий этаж занять. На фронтоне во всю длину вывеску повесили. И всем служащим для поощрения по разряду прибавили и нагрузку дали.

А тов. Федякину в другой ВУЗ перейти пришлось.

Александр Нератов

НА УГЛУ

— Ничего, милая, теперь все обратно к богу-то ворочаются.

— Еще бы: давеча вон ихний же оратор говорил, что полагается по сажени на душу, а прежде души-то не признавали,—пар, говорили, один!

ИГРА СУДЬБЫ

О, своевольная судьба! О, злая проказница!
Меня не замечают. *Шекспира* считают гигантом.
А ведь между нами только та разница,
Что я не обладаю Шекспировским талантом!

М. Тименс

ПАНИКА В ТРЕСТЕ

Рис. Б. Антоновского

— Подумайте, уже двадцать минут, как наш кассир оттуда не выходит! Звонить в Угрозыск, или есть еще надежда?

ПО СУЩЕСТВУ

Рис. Л. Бродаты.

В настоящее время раздробленные кости хирургическим путем заменяются костями из стали.

— Вы уж, тов. доктор, сталь мне попрочнее поставьте, а то ребята опять ногу сломают!

МАРЬЯ ЛЬВОВНА И ЧЕМБЕРЛЕН

Принято думать, что женщины совершенно не интересуются политикой и что, когда в женские ручки с отполированными розовыми ноготками попадает газета, глаза женщины прежде всего устремляются на объявления, а потом—на отдел „происшествий“, все же остальное будто бы остается вне поля ее зрения.

Так ли это? Имею основания полагать, что не так.

Однажды я самолично убедился на примере.

Я зашел к Марье Львовне Лифчик. В уютной мелкобуржуазной гостиной Марья Львовна полулежала на кушетке, подобрав под себя ножки в зеленых чулках и оранжевых ботинках с серебряными бантиками. Свободный уголок кушетки занимал ангорский кот, а на ковре, возле кушетки, лежала собачка.

При моем приближении все трое подняли головы, реагируя каждый по своему.

Сонная физиономия кота с полузакрытыми глазами не изобразила ничего, кроме равнодушия. В следующее мгновение он уже продолжал спать, поленившись опустить голову обратно и держа ее на-весу.

Собачка привстала на все четыре ноги и зевнула, широко разинув пасть.

Что касается Марьи Львовны,—она выразила самое живейшее удовольствие, по поводу моего прихода.

— А-а, это вы? Я так рада! Вы приходите как-раз во-время, чтобы рассеять мое безпокойство...—сказала Марья Львовна, кладя на столик развернутый номер газеты.

— Дорогой мой, объясните, что это такое происходит?

— Именно?

— Да вот и в телеграммах, и в передовице пишут.

Ее глаза, при этом, выражали неподдельную озабоченность.

— В передовице? — изумленно переспросил я, не веря своим ушам. До того момента я разделял общее заблуждение относительно заинтересованности женщин в вопросах политики.

— Что же именно привлекло ваше внимание в передовице?

— Помилуйте,—воскликнула она с горячностью задетого за живое человека,—этот Чемберлен... но ведь он же совершенно потерял рассудок! Ведь это такая узость и политическая слепота—добиваться разрыва с Россией! А еще хваленый политик!..

Трудно описать охватившее меня удивление. Марья Львовна и Чемберлен!

Она продолжала:

— Разве для настоящего политика не должно быть ясно, что без участия России и, напротив, при ее насильственной изоляции, невозможно умиротворение Европы?!.

Марья Львовна и Европа!..

Я озадаченно сел на кушетку, и только писк придавленного кота напомнил мне, что это место уже занято,—до такой степени я был ошеломлен сочетанием „Марья Львовна и вопросы европейского равновесия.“

Она продолжала, нервно схватив газету:

— Возмутительно, ей-богу. Представить себе только: два многомилионных народа пролетариев. Что им нужно? Им нужно содружество, их интересы так близко соприкасаются. И вдруг какая-то кучка лордов является помехой, пишет дурацкие ноты и чуть-ли не готовит закрытие границ и войну. Скажите, неужели-ж это возможно?

— Повидимому, да...—ответил я.

— Ужасно! Ужасно и бесмысленно!—мрачно заявила Марья Львовна:

— Но что же думает английская демократия? Почему бы ей одним усилием не сбросить к черту всех этих лордов? Где же английская революция?

— Еще не созрел момент, Марья Львовна. Но будьте покойны, Марья Львовна,—революция будет, она не за горами.

— Да? Вы уверены? Благодарю вас!..

Она схватила мою руку и горячо сжала.

— Но когда же? Скоро? Через неделю, через месяц? Говорите же, когда? Успокойте...

— Трудно ответить на такой вопрос, Марья Львовна. Революция—стихийный взрыв, и предугадать сроки невозможно.

— Но все-таки...

— Думаю, что может пройти и год, и два...

— Все пропало!—простонала Марья Львовна, тяжело опускаясь на кушетку.

Кот приоткрыл глаза, а собака недружелюбно покосилась на меня, как на очевидную причину неудовольствия хозяйки.

— Итак, следовательно, эти проклятые лорды успеют осуществить свою затею: разрыв сношений, закрытие границ.. Боже, какая я несчастная!..

Она молчала, а меня мучила загадка: что за странное существо женщина? Откуда вдруг такой болезненно-острый интерес к английским делам?

Я не выдержал и спросил:

— Однако же, Марья Львовна, почему это вас так интересует?

— А! почему! Об этом теперь и говорить не стоит... У меня в Лондоне тетя. Я ей послала деньги... Но раз лорды закроют границу,—значит, ничего не выйдет... Я не получу к сезону английских шелковых чулок... Проклятые!..

Иван Прутков

ЕХИДНЫЙ ГЛАГОЛ

Рис. В. Лебедева

— Скажите, пожалуйста: где заведующий коммерческой частью сидит?
— Как!! Вы уже знаете, что он сидит? Ведь дело еще не получило огласки!..

ВАНЯКИН

Эту грустную повесть рассказал нам Иван Иванович Ванякин в морозный зимний вечер, сидя у редакционного камина.

— Я человек принципиальный,—сказал Ванякин,—протягивая худые жилистые руки к огню.

Редактор одобрительно кивнул головой и, вынув из редакционной корзины кипу бумаг, бросил их в камин.

Бумаги горели плохо. Это были забракованные стихи; в них было много воды, и бумага дымила.

— Я хотел быть всегда и везде принципиальным,—продолжал Ванякин, ободренный кивком редактора,—я соблюдал все те правила, которые являются, по моему мнению, обязательными для грамотного человека, читающего плакаты. Я не висел на подножках трамвайных вагонов, не выходил с задней и не входил с передней площадки, я не входил без доклада, я делал свое дело и уходил, я не пил сырой воды, не останавливался, где останавливаться воспрещается, я считал деньги, не отходя от кассы... И я пострадал.

Ванякин вздохнул.

— Как-то я шел с ней. Мы шли из театра. Согласно плаката, я приготовил мелочи, чтобы не затруднять кондуктора разменом крупных денег.

Трамвая долго не было, но мы не скучали. Наконец подошел вагон, набитый пассажирами, как поросенок кашей.

Моя спутница вошла. Она вошла, а я остался. Ведь, если бы я вошел, то мне пришлось бы стоять на ступеньке. Я видел движение Лили: она хотела *сойти с задней площадки*. Я не мог допустить этого принципиально. Я крикнула ей:

— Не сходите! Поезжайте одна.

Она вскинула на меня изумленные глаза и уехала.

С тех пор она избегает встречи со мной.

Рассказчик замолчал и грустно поник головой. Мы ждали.

— Как-то раз я получил деньги,—упавшим голосом вдруг заговорил Ванякин, не помню сколько; кажется, рублей восемьдесят. Кассир выдал мне шесть или пять столбиков мелочи в бумаге.

Я хорошо помню, что в столбиках были пятиалтынные и гривенники.

У кассы висел плакат:

— „Просят считать деньги, не отходя от кассы".

Я начал считать. Я развернул столбики, и монеты рассыпались по подоконнику кассы. Нетерпеливые люди (была огромная очередь) торопили меня, и я невольно сбивался.

В конце концов, меня запутал пятиалтынный, затесавшийся в компанию гривенников. Я потребовал счеты.

Публика напирала на меня, но я не мог уйти от кассы.

Кончилось тем, что я крупно поговорил с моими соседями по очереди и навсегда потерял расположение кассира, милого, добродушного человека.

Месяц назад я по ошибке выпил рюмку уксусной эссенции. К счастью, я не проглотил ее.

Я сжег себе рот, но я не плюнул на пол. Я побежал к плевательнице: я помнил плакат Губздрава...

Вчера я не подал руки престарелому отцу моей жены: я избегаю рукопожатий. Старик обиделся, а жена не разговаривает со мной.

А сегодня ..

Голос Ванякина дрогнул. Глаза сделались круглыми.

А сегодня я прочитал в трамвае плакат. На плакате было написано:— „Чистите обувь только мазью „Блеск" фирмы Семена Потаповича Дурилина". Я ничего не знаю... Я же ношу валеные сапоги... Зачем мне мазь? И я не знаю, что обязательно, что нет...

Иван Иванович заплакал. Редактор бросил кочергу в угол, подошел к телефону и вызвал карету скорой помощи.

Камин угасал.

Р. Волженин

СТАРОЖИЛЫ

Рис. Б. Антоновского

В Краснодаре на вокзале пассажиры по неделям ожидают поезда. Всюду трупы живых людей.

— Бывает, землячок, бывает. Уезжают некоторые. Да вот со мной, примерно, в позапрошлом годе случай был: чуть-чуть было на товарный поезд не попал. Да заметили—сняли. Когда еще такой шанец представится?!

МИРЯНЕ

Гжатские культработники пригласили для руководства хором... псаломщика местной церкви. Большинство участников хора также поет в церкви. Утром: „Богородице дево", а вечером: „Мы—кузнецы".

Рис. К. Рудакова

— Сейчас, тов. регент, изобразите что нибудь приветственное женскому съезду.
— Женскому? Сей минут. До-ля-фа... „Гряди, голубица", глас осьмой, музыка Бортнянского...

ЖРЕЦ НАУКИ

Младший служитель клиники, Пуприков, отгрыз по диагонали кусок пиленого сахара, потянув с блюдечка чай, обжогся, поставил блюдечко на стол и сказал:

— Мы, как медперсонал, в курсе каждого самоси ьного о крытия Хирургия...

— Чего? спросил истопник Лаврентьев, вытирая лоб по ле седьмого стакана.

— Хирургия—резательная медицина. Понял?

— Ага, которую хирург делает. У нас в полку был! Ногу-ли, руку-ли—раз-раз и отнял. Молод-чага такой...

— Так вот не то, что ногу, или руку,—это что? внешность,—а вот внутренность, де о десятое!.. Язык отчиркнул, а больной разговаривает. В газетах даже было. Только двух букв не договаривает, видно, хирург маленько недорезал... Ему бы еще кусочек отмахнуть, на всю азбуку чтобы хватило, а он на тридцать три буквы только размахнулся.

— Опять резать будет?

— Обязательно!.. Ежели-б еще „ѣ" да „і" с точкой, то наплевать: сокращены они, а то „р" и „к"... Счастье еще, что больной беспартийный, а коммунисту без этих букв, сам знаешь, партии своей не назвать...

— Может, профессор скальпель не тот взял, ему бы номером побольше..

— Но я не к тому. К тому я, дорогой товавищ, что теперь дознано, будто человек от себя ток электрический пускает, волну...

— Морскую?!—спросил Лаврентьев.

Пуприков презрительно-добродушно ухмыльнулся и сказал:

— Дубина!.. Морская волна—мокрая, а эта сухая, так и трещит, как сухое полено в огне... Наука, браток, до того дойдет, что аннулирует „Электроток": каждый сам из себя будет освещать свое помещение... А экономия какая?! ушел на улицу—автоматически свет гаснет.

— Да на черт экономия, если дармовое?!

Пуприков задумался: обидно стало, что истопник оказался догадли ее „медперсонала". Однако, нашелся и восстановил свой престиж.

— Дармовое-то, дармовое, да неизвестно еще: может—человек худеет с этого?!. Да, ежели гости у тебя—с каждым новым гостем все у тебя светлее и светлее... В театрах такой свет будет, что прикажут дымчатые очки надевать...

— А как же в кино пущать будут, ежели там в сеансе темно должно быть?

Пуприков уже было метнул недовольный взгляд на своего гостя, но опять нашелся и деланно-спокойным тоном сказал:

— Ну, и что-ж? Перед входом в кино каждый выключит свой свет—только и всего.

Лаврентьев сидел подавленный.

— Да,—вздохнув, сказал он—наука, она научит и тому: недаром—наука!..

Пуприков почувствовал себя жрецом науки и сказал:

— Возьми ты вот это самое: „друг—радио"... знаешь?

— У клубе слыхал.

— Так что, ежели в тебе и радио-волна есть? У нас один студент говорил, что в человеке все есть, когда-нибудь, говорит, поймают ее и припечатают. И я так думаю!.. Одна рука—передача, другая—приемник... Вот когда конкретно и самосильно правая рука не будет знать что творит левая! Стерильность и гигиена! А может, и каждый палец сепаратный аппарат! А?! Мизинцем, скажем, телеграфируешь в Моству, указательным поёшь „Кирпичики" в Сибирь, средним...

— А свою работу чем будешь делать?—спросил Лаврентьев,—ежели у тебя руки заняты?!

Пуприков побагровел и, хлопнув о стол блюдцем, крикнул:

— Чего вяжешься? Ты что-ль за меня работать будешь?!. Может, я сверхурочно петь пальцем буду?!

Лаврентьев намеревался огрызнуться, но после десяти стаканов чаю он разомлел и ему не хотелось спорить.

— Ты в науке, товарищ Лаврентьев, слабоват и, так сказать, и сексуально, и трамватически, и со стороны пульсации,— веско сказал Пуприков—ты, как под маской, на которую хлороформ капают, ты насчет науки, одно слово, безо всякой препарации черепной коробки, и мозговое вещество у тебя серое.

Лаврентьев вздохнул и сказал:

— Серое, как я сам серый Еще, дай, брат, срок, по клубу поклублюсь, по кружкам покружусь—и у меня мозги посветлеют, и я тебе смогу загибать всякую трепанацию, а что я трепаться не люблю, то я не трепло, и попрекать меня, что я без трепанации пока обхожусь —нечего. Дай, говорю, срок!

Он обиженно отодвинул тринадцатый стакан и, грохоча стулом, поднялся и стал прощаться.

Пуприков его не удерживал.

Исидор Гуревич

У РАБКООПА

Рис. А. Успенского

— Большой выбор духов, большой выбор вин... Смотрю на эти выборы и думаю: эх, не пора-ли перевыборы устраивать?

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

БАБУШКИНА МУДРОСТЬ

„Красный Курган" доводит до сведения читателей, что—

В ответ на заметку редакции, посланную в Юргамышский РИК с просьбой ответить, почему РИК не принимает мер к охране коммунальных домов, которые гниют и портятся (многие из них не включены в коммунальные списки), завкоммунотделом РИК-а Бабушкин ответил:

Гниение—естественный закон природы.

Что на это скажешь?.

Наделение умом человека—тоже естественный закон природы. И только Бабушкин, ввиде исключения, поставлен вне закона.

СТЕНГАЗЕТА

„Орловская Правда" рассказывает о мытарствах стенгазеты местного железнодорожного почтотделения:

выходила стенгазета „Пробуждение", но с октября стенгазету назвали „Голос разъездного связиста", и в день Октябрьской годовщины вышел № 2 этой газеты.

„Пробуждение", как и „Голос разъездного связиста", стоит не на должной высоте. Газета ежемесячная, небольшая, а все же редколлегии нечем ее заполнить и, чтобы заполнить чем-либо газету, стали писать вопросы „Почему" чуть ли не аршинными буквами.

А то еще можем порекомендовать аршинные знаки препинания.

Например,—точку и запятую.

Рецепт простой: берется самые головастый член редколлегии и окунается головой в чернила, после чего этой головой ставятся точки и запятые.

А еще более разумный способ—такой:

Берется вся редколлегия и... заменяется новой.

ФАБРИЧНАЯ МЕДИЦИНА

На фабрике „Пролетарий" (в Минске) есть больница, страдающая хроническим „малопосудием".

Отсутствие необходимого количества посуды год лекарства, получаемые из больницы, уже давненько отмечалось в „Звезде". Поднимался этот вопрос и на общем собрании рабочих и служащих фабрики, где представитель губздравотдела тов. Белов дал слово все острые ненормальности устранить немедленно.

Но, несмотря на это, посуды все нет. Многие рабочие, ради приобретения ее, невольно должны покупать „очищенную".

И затем, хошь-не-хошь, вынуждены очищать посуду от „очищенной".

Хорошо одинокому, бездетному. А у кого, например,—жена и ребят—шесть душ? То один, то другой хворает... Пропадет человек через эту посуду—сопьется под бременем лечения семьи!

В той же больнице—

17 ноября рабочему Осипу Яковлеву, вместо выдачи бинта для перевязки болячек на ноге, предложили использовать свои носовые платки, которых у бедняка рабочего не оказалось, и болезнь получает раздражение от грязных тряпок.

Тут, конечно, промахнулась больница—тут надо было объявление вывесить:

> БОЛЬНЫЕ, ВНИМАНИЕ!
> Которые неимущие носовых платков для перевязки болячек на ноге, то просим таковые болячки прикрывать свеже-промытой рукой, в каковую сморкаются взамен платка.

„ДЕМОН" ПО-ДАГЕСТАНСКИ

О нем рассказывает „Красный Дагестан" в № 202.

Недавно в городе появилась афиша с именами артистов Одесских, Киевских Гостеатров и Москнардома московской оперы Зимина, обещавших постановку оперы Демон, при участии хора из 35-ти человек. Наивные обыватели еще раз попали на удочку „гастролеров" и понесли свои денежки. Спектакль не состоялся, и деньги за билеты были возвращены. Играть, действительно, было нельзя, ибо вся труппа состояла из 4-х человек включая оркестр, хор, парикмахеров, костюмеров и проч. ансамбль

Жаль, ей-ей, что не состоялся спектакль. А то сидели бы дагестанцы в театре и решали бы сложную задачу—где начинается демон и кончается Тамара? Мировая, можно сказать, проблема! И остается не разрешенной...

СОСНА

История проста, как бублик: гражданин Ермолович для неизвестных целей решил приобрести одну сосну в Уседенском лесничестве, Минской губернии. Назначило лесничество цену за сосну—*7 целковых*. Высока цена, да податься некуда. Купил Ермолович сосну.

Но... опоздал *на 5 дней* с вырубкой. За это тягчайшее преступление лесные власти постановили взыскать с него штраф в... 39 рублей. И стала сосна в копеечку: 7+39=*46 рублей*.

Ермолович в РИК. РИК (Районный Исполком) сосновую таксу *утвердил*. Что было дальше, неизвестно: заплатил-ли Ермолович 46 рублей или повесился на купленной сосне — газета „Звезда" умалчивает.

Оказывается, в Белорусской Советской Социалистической Республике гражданин может заблудиться... *даже в одной сосне.*

НА ВСЯКИЙ ПОЖАРНЫЙ СЛУЧАЙ

Скушно, тошно пожарному инструктору 2-го уч. сл. тяги Окт. ж. д. гр. Туатину: чтобы такое предпринять, какой-бы такой актик загнуть для развлечения? Прибыл пожарный инструктор на ст. Бурга и давай ее осматривать, на всякий пожарный случай. Осмотрел и акт изготовил:

В пожарном отношении необходимо в пассажирском зале *заделать щели у подоконника, закрыть заднюю дверь и исправить крыльцо.*

Подпись. Подпись. Место печати. И—будьте здоровы, поехал дальше по линии.

Серьезный мужик пожарный инструктор, а ДС ст. Бурга еще серьезнее, взял акт и препроводил начальству с ходатайством *„прошу исправить неисправности"*, иными словами: *закрыть дверь и замазать щели.*

Так входящий, этак—исходящий, и—пошла бумага в ход по инстанциям...

Смотришь—и пожарное „дело" налажено.

За тем и смотрят.

СЕРЬЕЗНЫЙ ВОПРОС

Всякий братишка, читавший о рае,
Знает, что там проживают угодники
Так. Хор-рошо-с! Ну, а кто-ж им стирает
Юбки, сорочки, носки иль исподники?
Скажем, есть Кирик святой и Улита—
(Тут богословский вопрос, а не лирика)
Кем панталоны Улиты помыты?
Кто постирает подштаники Кирика?
Кто привлечен там на труд пролетарский?
Этот вопрос—интереса вселенского.

Может быть, вы, граждани Луначарский,
Выяснить это могли-б у Введенского?

К. Ш.

ОБРАЗЦЫ ПИСЕМ

Бюро коллектива „Володарского“ создало комиссию для составления примерных писем краснофлотцев.

Работа этой комиссии будет заключаться в том, что она будет составлять образцы писем от краснофлотца к родственникам, знакомым, друзьям и т. д. и вывешивать их на видном месте. Письма будут составляться с таким расчетом, чтобы в них отражалась международная обстановка.

Такая форма работы бюро—новинка. (Из газет).

ПИСЬМО В ДЕРЕВНЮ

Дорогой, или милый, или любезный, отец, дядя, брат, сват и так далее, и то же в женском роде, соответственно родству.

Чехо-словакия переживает экономический кризис. Старайся при перевыборах в сельсовет выбирать людей честных, стойких и стоящих на надлежащей платформе.

Чичерин говорит, что без СССР международных дел не наладить. Поэтому будьте на высоте, ибо и вы часть СССР.

О Локарнском соглашении я вам писал очень много, а вы отделались молчанием, словно нашей деревни это не касается. Это—позорный абсентеизм, который не следует, однако, смешивать с французской водкой.

В Брюсселе открылся международный конгресс широковещания, а Реза-хана выбрали таки шахом. Ну, и наплачутся: это тебе не бедняк, свой брат. Оно, конечно, что сменили династию: менка за менкой, глядишь, до социальной республики и доменяют, как постепеновцы.

Абд-эль-Керим держится и стоит костью в глотке Франции.

Что у вас с избой-читальней? При Ватикане французское посольство остается. Не поддавайтесь кулакам, не отдавайте и середняка в лапы кулака, ибо середняк—ваш товарищ. Чемберлен все еще вола вертит

А в Китае Го-сун-Лин дал по шапке Цжан-Цзо-Лину. Моссульский вопрос обострился Японский миндел против Манчжурской интервенции.

Работает-ли у вас ячейка? Получила ли наша деревня лес? Жду ответа на мое первое письмо.

Всего хорошего, полного здоровья и да здравствует СССР и долой Лигу Наций.

Любящий Никита, или Коля, или Семен и так далее и соответственно в женском роде.

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Любезный сын наш Петра.

В первых строках шлем тебе наше родительское благословение навеки нерушимое никакими революциями. Сообщаем, что буренушка отелилась благополучно бычком, которого продадим на мясо.

А тетки Лукерьи дочка Манька затяжелела даже без ЗАГС'а и неблагополучно померла заразившись с бабкиного струмента. Хотя резали, но похоронили, а бабку говорят—судить будут.

Лукерья ревела, а теперь тебе посылает поклон.

А насчет твоего письма, то подарили его за непонятность Федьке, как он состоит комсомольцем, а нам оно ни к чему. А Федька, как он молодой и глупый, то ему страсть непонятные слова нравятся.

За сим до-свиданьица. И еще дядя Илья тебе посылает поклон. Пиши нам по-нашему.

Отец твой с матерью—
Иван да Марья.

Ис. Гур.

ТЕЛЕГРАФИСТ

Рис. Л. Бродаты

В дырявых пимах зябнут ноги.
В окошко дует. В трубе поет.
Бордюром белым на пороге
Примерз корявый грязный лед.
Метель завыла стаей бо̀рзой,
Седые космы расбросав.
Стучит неутомимый мо̀рзе,
Трещит бессонный телеграф:
— Соня поправляется ..—Тоскую. Люблю...
— Палкин растратил...—Растратил Блюм...
— Шлите селедку... Франко... Пуд...
— Поздравляю сыном...—Пятницу суд...
— Митя женился...—Скончался Кренс...
— Тихо с морковью, в спросе турнепс...
— Священник-убийца...—Чемберлен и Бриан...
— Манифест Коминтерна рабочим всех стран...
— Чичерин в Париже...—Снижение цен...
— Итоги Локарно...—Вопрос нацмен...
— Разводом согласен. Выехал Клин...
— Вышлите триста...—Купил мусслин...
Уши ловят привычные стуки.
Воет застрявший в снегу паровоз.
Съежились красные зябкие руки:
Мороз!..

Р. Волженин

НИ ПЕРА, НИ ПУХА

Сколь многих, жаждущих добра,
Разит духовная разруха:
Один писатель „на ура"
К строке РАБОТНИКИ ПЕРА
Ошибкой приписал: И ПУХА.

Ах, уважаемый Рабпрос!
Скорей пересмотри вопрос!

Д'А

СВОБОДНАЯ ПРОФЕССИЯ

Колокольчик у входной двери „продуктовая торговля И. А. Есипова" прозвенел резко и внушительно. Был десятый час: в лавке толпились домохозяйки, закупая формовой хлеб, селедки, огурцы и масло. В лавку вошел человек в финке, жеребячей тужурке, с кожаным портфелем в руках.

Есипов метнул на него глазом и, чуя что-то недоброе, обходя череду покупательниц, спросил:

— Вам что угодно, гражданин?

— Ничего, ничего,—добродушно усмехнулся гражданин,—отпускайте гражданок. Я обожду, мне не к спеху.

Он с любопытством оглядывал незатейливое убранство лавки и мысленно прикинул в саженях квадратуру пола.

— Что ж ты это, Иван Александрович, на селедку-то копейку набросил? Давеча 15 была, а сейчас 16? жаловалась какая то хозяйка с корзинкой и ключем от квартиры.

— Что делать? Что делать? Время такое,— разводил—руками руками Есипов.—Все дороже. Вон и спички подорожали...

— Ничего, гражданка,—вмешался неизвестный с портфелем,—скоро все дешевое здесь будет.

— Отчего это, позвольте осведомиться?— спросил с интересом Есипов.

— А вот кооператив рядом с вами открываем,—сказал неизвестный, в пустующей хлебопекарне. Я вот и пришел узнать, почем вы за помещение платите?

Есипов изменился с лица, поторкался на одном месте и переспросил:

— Почему же это именно, позвольте осведомиться, тут?

— А так. В этом районе кооперативов нет. Помещения пустующее есть. Вот „Красное Знамя" и решило открыть свое отделение.

В лавке поредело. Неизвестный кооператор многозначительно посмотрел на Есипова.

— Конечно, я человек маленький. Может, вы знаете, где более подходящее помещение. А?..

Есипов заморгал глазами, сунулся к прилавку—и, наклонившись, сказал:

— А вот пройдемте в комнатку.

И на ходу:

— Позвольте осведомиться: ваше имя, отчество?

Через пять минут кооператор вышел с зажатой рукой из комнаты.

— Так, значит, говорите—через два квартала?

— Точно так, точно так,—суетился Есипов, потирая руки:—через два квартала. Чудеснейшее помещение: бывшая зеленная Абросимова. Так и спросите: Абросимова. Имею честь кланяться.

Звонок за неизвестным прозвенел резко и внушительно. Есипов нагнулся к жене и прошептал:

— Отвадил за червяк. Кооператив через два квартала от нас откроют. Живем пока!..

И он весело хлопнул рукой об руку.

А неизвестный в жеребячей тужурке, с портфелем в руках зашел за угол, спрятал червонец в карман и прошептал самому себе:

— Еще, значит, один кооператив «открыл». Надо будет на Васильевский съездить. Частных то там много, а кооперативов мало. Открою еще штук пять. На сегодня и хватит..

И он сел в подходивший трамвай.

В. Тоболяков.

В „РАЙОННОЙ" ПАРИКМАХЕРСКОЙ

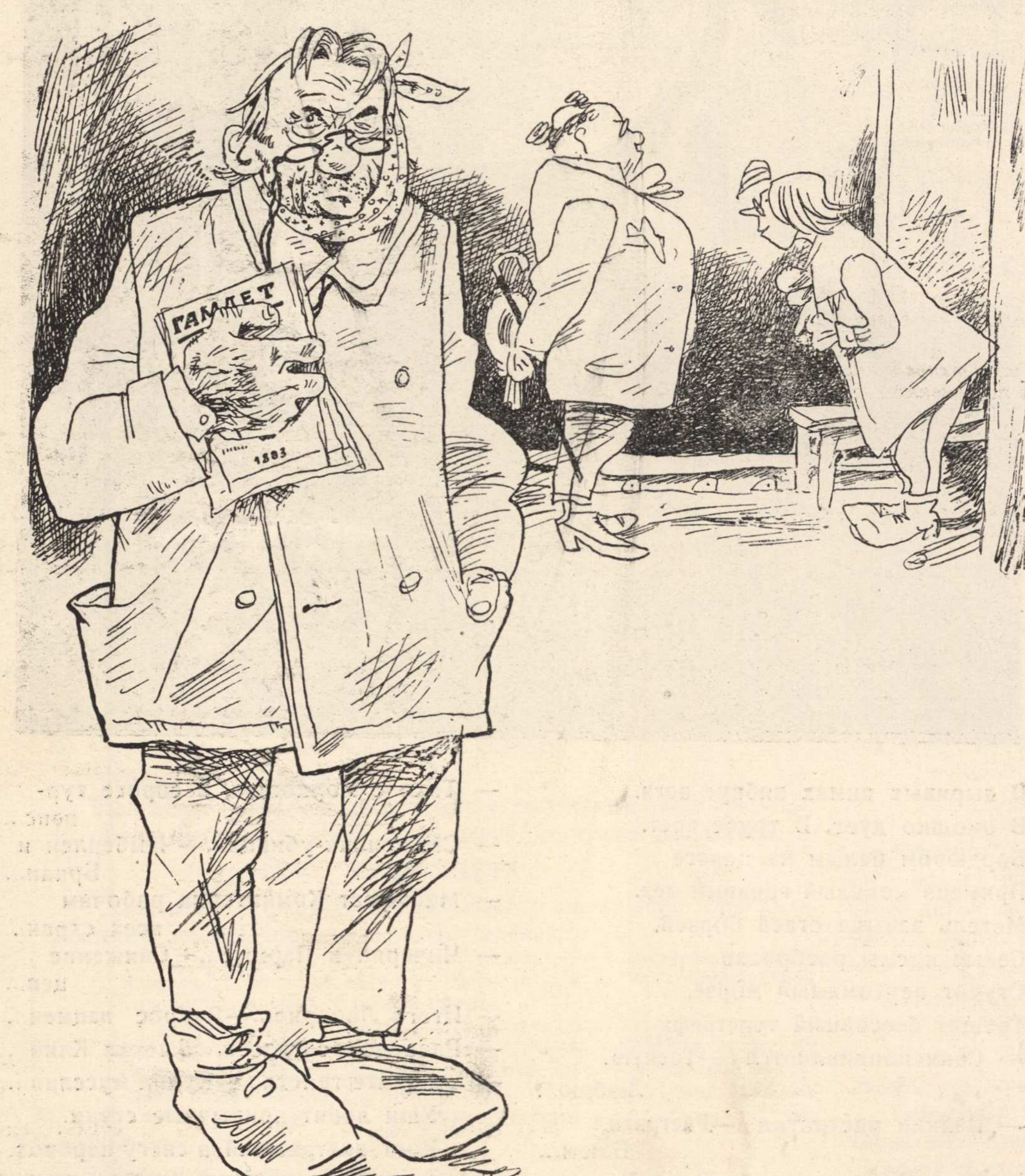
— Лицо камнем не прикажете?

— А ну, попробуй, сволочь, камнем! Небось, и я молчать тогда не буду!

НАТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ!

Рис. Б. Антоновского.

За границей в некоторых театрах применены „механические" суфлеры. (Из газет).

— Ничего-с! Посмотрим, как он по пять раз Забулдыгину-Бельскому будет повторять одно и тоже!..

ВОСЕМНАДЦАТЬ И ЧЕТЫРЕ

Из рабфаковских копилок
Вынув с болью скудный грош,
Стали с вечера в-затылок
Восемнадцать пар галош.
На ветру, морозе хлестком
Простояли честно ночь,
Получили место в „жестком"
И пошли гурьбою прочь.
Вместе с Женей, Шурой, Зиной,
Заглушая сердца стук,
Завозились над корзиной
Тридцать шесть проворных рук.

В тот же день из „Гранд-Паласа"
(Лифты. Бары. Канапе.)
Получила ордер касса:
„Скорый. Спальный. Два купэ".
Бриты. Сыты. Грузны. Серы.
Кинув взгляд в отельный зал,
Взяли гости несессеры
И помчались на вокзал.
Крыли улицы в тумане
Люди в шубах и в пальто:
Пешедралы, восемь „ванек"
И слепительный авто.

Прячут слезы Шуры, Жени
И кивают за стеклом.
Восемнадцать спин—в движеньи:
Лезут в двери напролом.
Свет огней перонных зыбок...
Промелькнут в последний раз:
Восемнадцать губ, улыбок,
Тридцать шесть веселых глаз!..
А четыре бритых фаса,
Не ища друзей в толпе,
По прибытьи из „Паласа",
Скромно заперлись в купэ.

Скорый двинул вдоль перона,
Бросив свет, толпу, вокзал...
— Опоздали?!
— Эх... ворона!!—
Кто-то с горестью сказал.
И пошел во тьму куда-то
Юза клавишу нажать:
„Едут четверо. Растрата".
„Скорый. Спальный. Задержать".

Александр Флит

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

„Орловская Правда", в погоне за сногсшибательным материалом, печатает заметку под занимательным заголовком:—

Поезд на солнце.

Далеко-ли от нас солнце? Ученые высчитали, что расстояние от солнца до земли равняется приблизительно ста пятидесяти миллионам километров. Чтобы легче представить это расстояние, вообразите курьерский поезд, который мчится со скоростью ста километров (ста верст) в час. *Если бы только что родившийся ребенок сел в этот поезд*, то он мог бы в поезде *состариться и умереть. Состарился и умер бы также и его сын, и только разве* его *внук приехал бы на солнце*

Чтобы достичь солнца, курьерскому поезду понадобиться около ста семидесяти лет безостановочного пути.

Далеко, товарищи, забираетесь! У вас под носом на М.-Курской жел. дороге всякие непорядки творятся, волками люди воют, а вы поезда на солнце пускаете.

*

Ленинградская „Вечерняя Красная Газета" для смычки с читателями печатает задачи и головоломки. В № 273—очередная загадочная картинка: нарисованы пожилой мужчина с распростертыми руками и толпа людей, бегущих в разные стороны. Надпись: *чего не хватает*? В последующих номерах ответ: не хватает повязки на глазах. Пожилой гражданин, оказывается, играет в жмурки. Увы загадочная картинка не требует ответа: *она уже разгадана двенадцать лет тому назад в журнале „Мир Приключений" за 1913-й год*, где фигурировал и пожилой мужчина, и распростертые руки, и толпа молодых людей.

Бедная „Красная Газета"! Кто-то заставил ее играть в жмурки, надела она на глаза повязку и старых журнальчиков не примечает.

Нехорошо-с!

*

В Екатеринославе издается Окркомом К. П. У. и Окрисполкомом газета „Звезда", читается газета, *главным образом, рабочей массой*. Между тем Екатеринославские многоумные газетчики из „Звезды" выражаются нижеследующим образом:—

„ШУТ НА ТРОНЕ".

Спектакль театра „КРАСНЫЙ ФАКЕЛ".

Пьеса — благодарный материал для театра с установкой на студийное начало. Освобождая актера от необходимости „переживать" (нутро), она довольствуется показом внешней актерской техновыучки.

К сожалению, *кривая этой техновыучки* в отчетном спектакле *выведена с неожиданными и досадными срывами.*

Первый такой „срыв"—арлекин (артист Гарденин). Сложный сценический рисунок „шута на троне" выпал из сценической конструкции пьесы.

В королеве-матери (артистка Ростовцева) *тяготенье к бытовой простоте на сей раз разнобойное, с общей повышенной тональностью пьесы.*

Запоминается Босмунд (Болоши).

Когда-то волнующая остротой подачи образа Коломбины артистка Огонь-Догановская на сей раз *устало и скупо нарасцветку выявила женщину, у которой „было вчера и нет ни сегодня, ни завтра"*.

Дружно спаян ансамбль.

Нечеток и смазан финал 1-го акта.

Хорошо сияет „Звезда" во мраке Екатеринославской некультурности. Зовет читателей на огонек просвещения.

А иной несознательный читатель прочтет заметку о спектакле и запьет с горя.

*

Архангельский кино-спец в газете „Волна" пишет о физике просто и ясно:

Кино-картина „На жизнь и смерть" рисует борьбу рабочих за революцию при старом режиме. Приходится, к сожалению, отметить, *что постановка очень слаба.*

Типы полицейских приставов, судей и других „героев" старого строя *выведены почти карикатурно, что совершенно не соответствует общему драматическому настроению картины.*

Фабула, во многи местах, *притянута*, что называется, *за уши. Плохие надписи, не говорящие ни уму ни сердцу*, тоже портят впечатление.

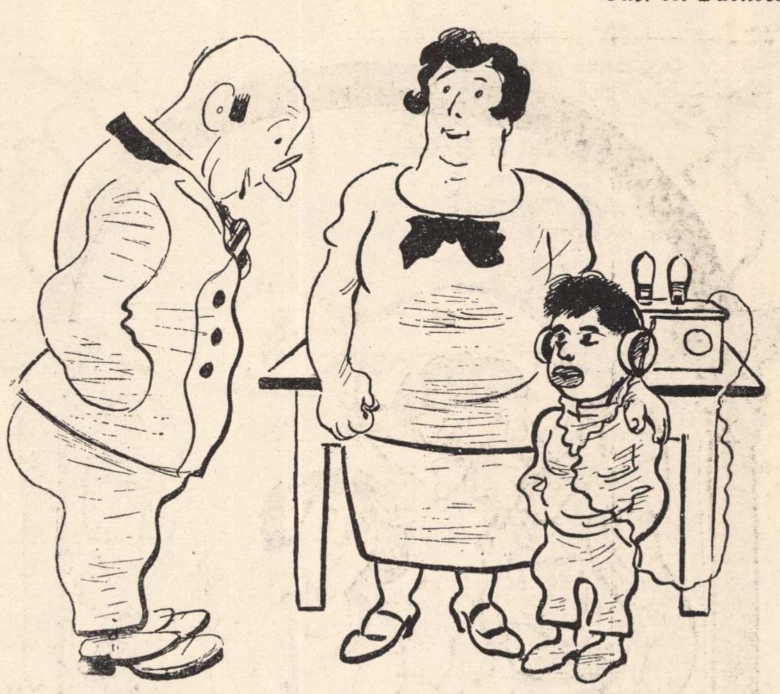
Но, как агитка, картина производит впечатление на рабочую аудиторию и ее следует пустить на заводы.

Странно... Очень странно: картина—дрянь, типы фальшивы, фабула притянута за уши, плохие надписи, слабая постановка, —*но* для *агит-целей* картинка—что надо. Начал за „кино-упокой, а кончил за „кино-здравие".

От подобного „здравия" ни одной рабочей аудитории не поздоровится!

РАДИО В БЫТУ

Рис. Н. Радлова

— Что такое? Такой маленький мальчик и уже друг радио?

— Нет, у него просто уши оттопыриваются, так мы их наушниками исправляем.

У ГАДАЛКИ

— Скажите, гражданка, этот червонец — настоящий?

— Не знаю!

— Как вы смеете не знать, ежели у вас в рекламе сказано: определяю прошлое и настоящее!

ПРОВИНЦИАЛЫ

— А то вот, возьмите коробочку бычков в томате...

— Господи! Вот столичные бычки какие, а у нас в Севске самый малый бычок—и тот на прилавке у вас не уместится!..

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Адрес для литературной корреспонденции — Ленинград, Пр. 25-го Октября 88. Рукописи, непринятые к печати, редакцией не сохраняются

1. *Звенигород, Моск. губ. Ив.-Мил.* „Вхожу, эфто, я в капиратив, а тама на потолке мертвый огонь висит. Подхожу, эфто, значит, к прилавку, а за прилавкой пшаничные лежать. Думаю, эфтово же и надыть"...

Нам эфтово не надыть: ни падходить.

2. *Боровичи, Каеву.* Рисунки не подходят, но „Дела" взяли, как тему.

3. *Николаев, Маузеру.* „Славлюсь в Николаеве за простой язык, рассчитанный на всех."

Оно и видно по присланным стихам: здорово, наверно, вас тянут за язык.

4. *Нахичевань, Гр. Б я.* „Здравствуй, милый друг „Смехач"!

Идиотов всех палач,
Средство лучшее к веселью,
Превеселейшее зелье.
Смех твой бодрый и красивый,
И журнал ты не спесивый.
Веселишь ты весь союз,
И ликует он как Троя.
Тебе верным остаюсь
Твой читатель Гриша Боя."

Почему Троя? Этакий хитрый „грек"—чтобы в журнал пробраться, затеял приспособить троянского коня.

Стихи хороши по содержанию, но форма (древне-греческая) хромает.

Ив. Пр.

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

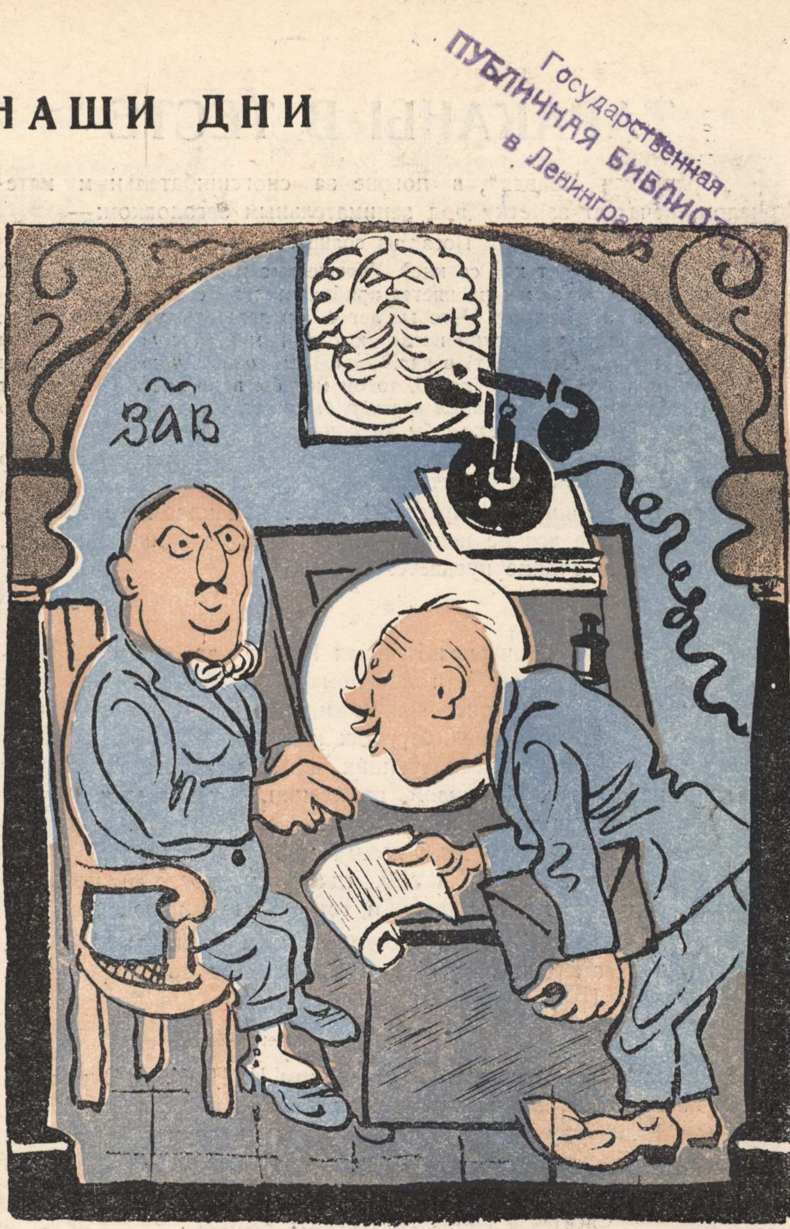
Ленинградский Гублит №№ 6157. Типография „Инвалид Печатник", Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 60.000 экз.

СВЯТЫЕ В НАШИ ДНИ

Рис. Н. Радлова

Св. Георгий победоносец, иже лепые словеса раздраконивает паки и паки.

Св. Николай, угодник божий — его же угождению не будет конца

Св. Алексий человек божий, на бирже упокоеваемый, идеже несть печали, воздыхания, но такожде и мест платных.

Св. Варвара великомученица, соцстраха алчущ: и на страшный нарсуд уповающа.